

Художник Е. Станикова

Колыбельная

Юлия Фурзикова

Историю отменили — заболел преподаватель.

Радостный седьмой класс выплеснулся в коридор, где получил от завуча выговор и обещание вернуть в заточение на последний, пятый урок. Притихшей вереницей прошли в раздевалку, в спешке сдергивая с вешалок куртки и натягивая их поверх сиреневых школьных жилетов, и вырвались наконец из школьных дверей на свободу.

Еще не было двенадцати — почти утро. Твердым серебряным панцирем блестел наст, а в воздухе мягко пахло не весной даже — ожиданием весны. В тени — морозом и арбузом, на солнце — мокрыми сосульками. Инка очень любила такую раннюю весну. Гораздо больше, чем март с его грязью и водой, которая норовит забраться в сапоги.

Машка унеслась по неотложным делам, оставив вместо себя диск с фильмом, который надо смотреть без родителей. Но побыть иногда одной, совсем одной, тоже совсем неплохо. Родители до вечера на работе, а брат — в садике. Уроков задали мало, и есть фильм, а еще — недочитанная книжка.

Надо только зайти в магазин.

Сначала Инка зашла в булочную. Потолкалась в полумрачной тесноте, пахнувшей хлебом и сдобой. Не огорчаясь тому, что среди бела дня тут неожиданно людно, Инка честно отстояла очередь в кассу и снова выскочила на улицу, полную весны и свободы. Теперь — в сонный. Он рядом, через два дома.

Здесь очереди почти не было. Потоптавшись у прилавка, Инка сунула руку в карман за кошельком с деньгами и рецептами, и...

— Девушка, вы берете?

— Я...

Она пошарила в карманах. Еще раз пошарила. Пусто. Может, забыла, засунула в ранец? Она отложила пакет с хлебом, расстегнула тугий замок, пристроив ранец на колено. Продавщица, оторвав от нее ожидающий взгляд, занялась другими покупателями. Ей было некогда.

Кошелек не было. Но ведь был в булочной! Денег в нем осталось немного, но рецепты...

«Пусть Инка сходит, — сказал вчера папа, когда мама пожаловалась на вечерние очереди в сонном. — Один раз ведь уже ходила как-то? Взрослая уже, ничего... Только не бери сразу все рецепты. На одну ночь. Ну ладно, на две, остальные — потом».

Инка легкомысленно забрала все сшитые в тонкую книжечку листочки. Родители уже ушли, а она опаздывала и хотела спать, как всегда по утрам. Только в школе она спохватилась, что взяла рецепты не на две ночи, а на пять, до конца недели, перепрятала их в застегнутый внутренний карман, под жилет. После уроков опять положила рецепты в кошелек — удобный, заслуженный папин бумажник, и вроде бы все время держалась за него рукой...

ФАНТАСТИКА

Милиционер у входа смотрел на нее — с пониманием, но строго. Профессионально.

— Номеров, конечно, не помним, — сказал он утвердительно и уточнил: — Рецепты потеряла?

— Может, в булочной? — промямлила Инка. Скорей всего, кошелек стянули, когда она придерживала дверь для женщины с открытой, не по сезону, детской коляской, где сидел закутанный, как капуста, младенец.

— Ну, сходи, проверь. — Милиционер посторонился, потому что Инка уже рванулась в дверь. И велел вслед: — В отделение зайди. Лазоревый, пятнадцать.

После ослепительного солнца в глазах плавали пятна. Инка искала кошелек в темной тесноте, среди множества чужих ног. Ноги мешали, их хозяевам не было дела до Инкиных проблем.

— Девушка, что-то потеряли?

— Кошелек.

В уставившихся на нее глазах было сочувствие, не было только желания помочь. Ее веки уже не могли удержать слез; Инка повернулась и побежала вон из магазина.

Комната с обшарпанной столешницей и неуловимо казенным запахом запомнилась смутно. За окошком без стекла сидела толстая тетка. Глядя в рыхлое равнодушное лицо, Инка окончательно поняла — никто ей не поможет. Раньше, чем установят номера потерянных рецептов, вор успеет их выкупить и даже использовать. Наверно, уже купил, не дурак, и не в том магазине, куда заходила Инка, в другом... Потом добрая девушка в форме коротко расспросила Инку. Позвонили родителям, Инку отправили домой.

А дома был телефонный разговор с мамой. Мамино недоумение — зачем взяла все рецепты, ведь договаривались! Молчаливый упрек, хуже ругани. И четкое ощущение беды.

Придя домой, родители уже почти не разговаривали с Инкой. Отцу, как безупречному работнику, выдали пять сонных рецептов в заводской поликлинике. Все рецепты были взрослые — семь часов сна, и жить на них предстояло пять дней вчетвером. Еще четыре схемки обещали родственники, эти потом возвращать придется.

— Ура, можно позже ложиться, — бурно отреагировал на известие шестилетний Павлик.

Отец сдержался.

— Прекрати, — ровно сказала мама. — Иди поиграй пока, и тихо. Инна...

— Я тоже не буду спать сегодня, — испуганно пискнула Инка. Но спать, как назло, уже хотелось. Наверно, потому, что нельзя.

— Да, — согласился папа, помолчав. — Неизвестно, что завтра будет. Нам же случилось в ее возрасте обходиться без сна!

Последняя реплика была адресована маме, хотя мама не возразила.

Про времена молодости родителей слышать приходилось много раз. Про регулярные бессонные ночи из-за того, что еще не было налажено производство генераторов тета-ритмов, в просторечии — схем. Слушать было интересно, хоть рассказы и повторялись. Времена были экзотическими, трудности закаляли характер — так казалось девчонке, которую родители всегда укладывали спать ровно в десять часов. Только на Новый год позволялось дожидаться двенадцати.

А про пандемию, пришедшую на времена прабабушек, родители рассказывали скучно, как энциклопедия. Слово «грипп» звучало не слишком угрожающе. А то, что этот «грипп» вызывает изменения в генотипе, выяснилось не сразу, ведь и нарушение функций гипоталамуса поначалу сказывалось не так резко.

Инку накормили ритмином, велели лечь и отдыхать. Она послушно лежала, слушала, как укладывались родители. Валяться и не спать, так долго, было странно и глупо. Инка вертелась, то утыкалась в подушку носом, то рассматривала бледное пятно света на потолке — она никогда не задергивала на ночь занавесок, в детских схемах не было сторожка, который мог сработать от света за окном.

Это неправильно, решила Инка, если уж пришлось не спать, они могли бы использовать время лучшим образом. Она поднялась, включила настольную лампу, прислушиваясь и непроизвольно косясь на дверь комнаты. Но родители не спешили появиться с упреками, тихо лежали в кроватях. Как можно не спать и лежать так тихо! Инка сняла книгу с полки.

События романа, еще вчера такие увлекательные, показались надуманными. Усталость скоро взяла верх над возбуждением. Свет лампы резал глаза, будто злобный песочный человек и вправду побывал в ее спальне. Из упрямства она читала до четырех часов. Потом долго лежала, тараща не желавшие закрываться глаза. Хотелось, чтобы ночь наконец кончилась.

Где-то загудел водопроводный кран. Проснулись соседи, жившие этажом выше, — им нравилось пораньше ложиться и раньше вставать. Инка раздраженно слушала доносившийся сверху топот. Небо за окном начинало светлеть. Заурчал лифт, дом просыпался. Поднялись родители. За стенкой мама вытаскивала из кровати Павлика. Павлик, проспавший на два часа меньше обычного, зевал и капризничал. Инке уже не хотелось подниматься — устала за ночь.

И родители устали. Они спорили за стенкой — вообще-то они очень редко ссорились.

— ...обменять на две схемы.

— За обмен целый час сна снимут.

— Нам не до жиру, что теперь делать!

— Почему ж ты не взял сразу две короткие вместо длинных?

— Знаешь, я брал, что дают.

Завтракать Инка не могла, ее подташнивало. Она ни с кем не спорила, оделась и потащилась в школу, ежась от озноба и щурясь на светлеющие улицы. В подворотне

на снегу темнело пятно, при виде которого Инку замутило. Кого-то здесь ночью вырвало. Значит, не только ее тошнит от такой жизни...

— Токарева! — позвала физичка. Инка испуганно встрепенулась. — Ты что, не спала?

Конечно, нет, с беспокойством подумала Инка, как я могла спать на уроке. Почему-то она не могла вспомнить, что делала последние полчаса.

— Не спала ночью? Сядь. Все равно, надо было выпить кофе и в школу прийти человеком.

Одноклассники зашумели и успокоились, одна Машка покосилась удивленно и встревоженно. Урок потянулся дальше — длинный, длинный. Когда наконец прозвенел звонок и все унеслись в буфет, она быстро сунула Инке в ладонь маленький твердый квадратик. Схема...

— Что это? — спросила Инка, таращась на гарантийную наклейку с серийным номером. — Зачем? Твоя? Ты что!

— Это не настоящая ночная, не бойся, — успокоила Машка. — Я на той неделе к Славке на день рождения ходила, не помнишь? Там угощали. Славкин отец всем гостям раздавал.

— Он кто?

— Из тех, кому можно спать до полудня, — сказала Машка. — Какая тебе разница! Ни твой, ни мой отец там работать не будут. В буфет идешь?

Инка не пошла.

Она досидела до конца уроков: ей казалось, что дома, в тишине, станет еще хуже. После уроков Машка увела ее к себе в гости.

У Маши всегда было хорошо. И теперь даже усталость стала уютной, обещавшей скорый отдых. Машка принесла забившейся в кресло Инке тарелку супа. Прямо в комнату. И спросила:

— Поспишь, может? Схемка всего на двадцать пять минут, — добавила она виновато. — Сразу после сна еще тяжелее будет, но потом все равно лучше. Я знаю.

— Спасибо. Я дома...

Дома было совсем не так уютно, как у Маши. Мама готовила ужин и даже не спросила, где Инка шаталась до вечера.

— Где папа? — канючил Павлик.

— Не знаю. Займись чем-нибудь сам.

— Пойдем в шашки играть, — позвала Павлика Инка, глянув в мамино лицо.

В шашки Павлик играть не хотел, но она все-таки достала доску. Сели играть. Голова казалась набитой ватой, то маленькой, как орех, то огромной, в голове помещались и клетчатая доска, и Павлик, и комната...

При стуке входной двери Инка радостно вскинулась, но отец сразу прошел на кухню и закрыл за собой дверь. Он сказал: «Потом, Паша, потом». Павлик обиделся и ушел, а Инка осталась подслушивать.

— Закрылась лавочка.

Подслушивать приходилось из-за угла коридора. Инка с трудом поняла, что прикрыли черный рынок, где можно было, рискуя нарваться на «паленый» товар, купить сонную схему. Потом отцу пришлось объяснять милиционеру про свой интерес к подобным местам, вот почему он задержался. У Инки не было сил пугаться задним числом, к тому же самое главное сейчас было — схемы! Которых отец так и не достал!

— Я сказал, что надеялся отследить наши номера,

вдруг всплывут, — приглушенно говорил отец. — Лейтенант... в общем, нормальный парень. Ругался, что до сих пор не введена биометрическая система. И официального заявления сам предложил не писать. Отчитываться за несданные схемы ведь не надо, раз мы их не выкупили, а от опеки детской комиссии, говорит, потом не отделаешься.

— Хороший человек! — сказала мама громко и раздраженно. — Сами выпутывайтесь, да...

— Наташа!

— Ничего, — отмахнулась мама, выходя из кухни (Инка отпрыгнула в комнату). — Ничего. И не такое переживали. Последнее время мы очень хорошо спали. Дети, а вы ложитесь. Лучше прямо сейчас.

— Я не хочу, — буркнула Инка. — Я не буду спать.

— Будешь, — бросил отец сухо.

— Не буду!

Это вылилось в безобразную сцену. Родители никогда не трогали Инку и пальцем, но она раньше так себя не вела. Тяжелая оплеуха сначала ошарашила, а потом словно выпустила накопившееся раздражение. Инка готова была кидаться на родителей и выть. В ней уже поднималось огромное, все затопившее облегчение оттого, что родители решили все сами. Мама, не разговаривая с ней больше, отвела Инку в ванную, а потом в постель. Как в детстве, мамины пальцы убрали волосы с виска, осторожно прилепив туда схему. Инка, все еще рыдая, благодарно уткнулась носом в подушку, и ласковые волны понесли ее прочь от впечатлений дня.

Уже в сумерки стало клонить ко сну. Инка с утра решила, что спать сегодня не ляжет. Когда она об этом вспомнила, спать хотелось сильнее.

За стеклом аквариума плавали сонные рыбки.

С усилием Инка вспомнила, что потеряла рецепты не сегодня, а вчера... нет, позавчера. Или третьего дня? Позади была еще одна бессонная ночь, еще один призрачный день, вечер которого застал ее в зоомагазине. Что она сказала родителям, когда улизнула из дома? Она не помнила. Что-то с ней творилось.

— Девушка, магазин закрывается, — сказали сзади.

Инка, не оглядываясь, оторвалась от аквариума, вышла из пахнущего птицами и сухим кормом тепла на черную снежную улицу.

Район был знакомым, а улица — нет. На твердую утоптанную дорожку намело немного снега, и он скрипел под сапогами. Ноги устали и ныли в икрах. Горели фонари. И кое-где светились окошки.

«Не все спят, — думала Инка. — Дежурные не спят, моряки на вахте. Шоферы едут где-то среди такой же ночи, и впереди — кусочек дороги в свете фар, и лес, и горы далеко».

И врачи не спят.

Инка поежилась. Изо рта шел пар. Последние яркие окна гасли одно за другим.

Когда-то, говорят, люди умели дремать даже на ходу. Они писали в книжках: «Я три ночи не спал, я устал». Заснуть на часик перед рассветом — считалось не спать ночь. Их предки были расточительны. Что бы они сказали, узнав, что можно не спать неделю? Неделя — официальный критический срок. А подопытные животные выдерживали по две.

ФАНТАСТИКА

За углом звучала музыка, и Инка свернула туда, ни о чем не думая. Целых три окна первого этажа горели теплым светом. У крыльца подъезда стояли веселые ребята.

— Девушка! Заходите к нам на огонек!

В другое время Инка ни за что не подошла бы к незнакомым парням, да еще ночью. Правда, она и не была никогда ночью на улице.

Она повернула и вошла в теплый светлый подъезд.

— А почему девочка не спит?

— Да ладно тебе! Девушка, пойдете!

Четыре пары молодых глаз смотрели на нее с веселым недоумением.

— Я рецепты потеряла, — сказала Инка и поежилась. Из нее выходил озноб.

Кто-то присвистнул. А светлоглазый парень, который сказал «пойдете», уже тянул ее вверх по лестнице.

— Вы же замерзли совсем. Вот сюда.

В ярко освещенной квартире веселье уже схлынуло. Инку раздели, усадили за разоренный стол, отодвинув грязную посуду. На пороге комнаты появилась молодая женщина в белом свадебном платье, следом за ней — пожилая, и обе смотрели с удивлением. Инке было все равно. В тепле ей снова захотелось спать и стало совсем скверно. Женщина, поговорив негромко с Инкиным провожатым, села рядом и молча наложила ей салат в чистую тарелку. В пирамидке оливье на тарелке просвечивали сквозь майонез огоньки морковки. Инка взяла появившуюся перед ней чашку и отхлебнула. Кофе был очень горячий и сладкий.

— Сволочи, — задумчиво сказал мужчина, лысый, но с мощными бровями. Оказывается, он, а не женщина, сидел рядом с Инкой. — Сволочи. Не потому, что раздают сон по ложке каждому. У нас отобрали сны. Ты не помнишь, как видела сны до двух лет, пока папа с мамой стали тебе клеить на голову схемки, как положено?

Инка не отвечала, ей совсем не хотелось думать. Мужчина не унимался:

— Наркотики для нас яд. Алкоголь — тьфу, что такое алкоголь! Остается только сон... сны. Так ведь нет! Сторожок срабатывает только тогда, когда можно, когда кончилась фаза быстрого сна. Наша ночь — темный провал, и все. Кому надо, чтобы у нас не было снов? И почему они думают, что передоз хуже недосыпа? Избыток сна вовсе не так вреден. Я пробовал. Хочешь, возьми, попробуй тоже, мне не жалко. — Он протянул Инке что-то завернутое в бумагу. — Это не такая, какими нас пичкают.

Бумажный квадратик упал из протянутой руки на стол рядом с Инкиной тарелкой. Обычная бумага, ни стике-

ра, ни водяных знаков. Паленая. О таких вещах знают даже первоклассники, — настоящий генератор требует заводской сборки, деталей из драгоценных металлов, сложного лабораторного контроля. Паленая.

А какая разница? Схема.

— У меня еще есть. — Презиравший алкоголь мужчина улыбнулся пьяной улыбкой. — Подожди-ка...

Он пошел к двери, но столкнулся с входящими людьми. В комнате мигом стало шумно и тесно. Люди, которые явно праздновали давно и долго, с любопытством поглядывали на Инку и не возражали, что она молчит. Говорили сами и не требовали ответа.

— Есть сон — и сон. — Голос лысого вывернулся из гомона. — Он может быть таким, как ты захочешь. Я умею делать сны. Вон ей говорил.

— Кирилл, перестань, — встревожилась пожилая женщина.

— Не морочь девочке голову, Кирюша, — согласился светлоглазый парень — он сидел теперь рядом с Инкой. — Лучше бы помогли человеку. От побасенок ведь не уснешь. Ты не слушай его, — сказал он Инке. — Это дело ведь такое, нехорошее. Схема, если не заводская, первый толчок тета-ритмов дает, но можно и не заснуть. А можно и не проснуться.

— Правильно, не слушай! — подхватила женщина. Ей этот разговор явно не нравился. — Лучше поешь. Будет легче, я знаю. Погоди, у нас ведь голубцы остались. Давай, я тебе горячего...

— Эх вы! — уныло сказал лысый. Он привстал и потянулся к Инке через стол — должно быть, хотел забрать свой конвертик, который, кроме Инки, никто не замечал. Инка решила возразить, что она ему верит, но лысый вдруг упал, причем очень неудачно — лицом прямо на стол. Звякнув, осколки бокала брызнули в селедочницу. Лысый с трудом поднялся, с его щеки текла кровь. Женщина, забыв о голубцах, бросилась к нему.

Со ставшей опять легкой, звенящей головой Инка отрешенно наблюдала за суматохой. Уголок бумажки, виновницы несчастья, отогнулся, будто конвертик хотел раскрыться. Инка заглянула в него. Плоский квадратик с сеткой серебристых проводочков выглядел настоящим. Кажется, никто и не понял, что дядька ей дал. Но ведь он хотел ей подарить, от души?

Пальцы сами сжали конвертик.

— Вот так, — сказала Инка сама себе, прислушиваясь к голосам в соседней комнате. — Вот так, вот так, — повторила она бездумно.

За окном синела ночь. Комната опустела, и про Инку, похоже, забыли.

Она неохотно поднялась и побрела к выходу.

Бесконечная ночь ушла, оставив улицы заполненными мягким серым светом. Было безлюдно и тихо, только лопата дворника отрывисто шаркала по асфальту. Инка уселась на скамейку, рассматривая обтянутую толстой курткой спину дворника. Тот уже добрался до конца дорожки и неторопливо повернул назад. Теперь мягко шелестела метла: ширк... ширк... ширк... Напротив скамейки дворник остановился, аккуратно прислонил метлу к дереву и сел рядом с Инкой.

— Случилось чего у тебя? — спросил. — Рецепты потеряла, что ли?

Инка кивнула. Она не удивилась, что дядька угадал. Только на минуту обрадовалась, что можно самой ничего не объяснять.

— Много?

— На пять ночей. На всю семью.

— Неприятно. Но преодолимо. Лучше не жаловаться. От комиссии контроля хорошего не жди, лучше как-нибудь перебиться.

— За что? — спросила Инка не то дворника, не то себя. — Почему нам такое время?

— Темное?

Инка кивнула. Время в самом деле было темным — от ночей, когда приходилось бессонно вглядываться в темноту. От плотно задернутых штор.

— Вот двадцать лет назад не было никаких комиссий, никто не выдавал схемы и не ограничивал. А я как-то не спал неделю подряд, когда работу потерял. — Он помолчал. — Времена, в общем, всегда одинаковы. И эти переживем.

— Что же делать? — беспомощно спросила Инка. Голова кружилась, опять наваливалась слабость — вместе с холодом. Снег блестел ослепительно.

— Жить, — повторил дворник. — Вот, возьми-ка.

В ладонь лег знакомый пестренький квадратный пакетик с язычком на уголке. Когда осторожно потянешь язычок, на ладонь падает невесомая схема. Которая так ласково прилипает к коже у виска.

Инка осталась на лавочке и смотрела, онемев, как дворник идет к двери в подвал, неся метлу и лопату. В конце концов, она найдет его, если будет надо... Почувствовав ее взгляд, дворник оглянулся. Кивнул:

— Иди домой. Все уляжется...

Инка пошла. Ей было холодно.

Вошла в свой подъезд — будто бы в чужой, залитый утренним солнцем. Поднялась. Сначала позвонила в дверь, потом открыла ключом. Вроде бы тихо — никого нет.

Она переступила порог и оказалась в привычном, родном тепле. Тапочки под вешалкой звали снять тяжелые зимние сапоги. Скинуть куртку, пройти в свою комнату, прилечь и накрыться стареньким мягким пледом.

Ей так хотелось спать!

Прилепить на висок подаренную схему, и семь часов хоть трава не расти! Нет, она не будет тратить эту схему, но хоть Зинкин подарок-то можно. Хоть на двадцать минут, но заснуть. Хоть на минутку. Так она больше не может.

Она положила на тумбочку схему, расстегнула куртку. Достала и тоже положила на тумбочку коротенькую схему, которую Зина подарила ей вчера... или позавчера? Она таскала ее в кармане, сжимая в кулаке, пока не встретила доброго дворника.

Резко зазвенев, телефон ударил по измученным нервам. И сразу же, будто этого мало, тренькнул дверной звонок. Инка дернулась было к телефону, но вернулась к входной двери, впустила соседку-пенсионерку. Едва повернулась в комнату, как проклятый телефон замолк.

— Инночка, — сказала, вливая в прихожую, всеведущая Алена Сергеевна. — Слышу вашу дверь... Ты что же, с вечера не приходила? Мама твоя беспокоилась, что ты никак не идешь, а их увозят... Юрия Александровича, и мама твоя с ним, а Павлик у бабушки.

— Что с папой? — обессиленно спросила Инка. Сразу исчезло сонное спокойствие тихой солнечной квартиры, сердце не заколотилось, а больно трепыхнулось в груди.

— Предынфарктное состояние... не волнуйся так, девочка, Наталья Андреевна там, с ним. Хочешь, я тебе стимулятор дам, что ли, и чаю, чаю сладкого нужно...

— Не беспокойтесь, — выдавила Инка. — У нас есть стимулятор.

Через какое-то не пойманное Инкой время оказалось, что соседка брякает чашками на их кухне, готовит чай. Еще через какое-то время Инка увидела себя в комнате, с кружкой в одной руке и телефонной трубкой — в другой. Голова еще звенела от истерического телефонного крика, а в трубке звучал усталый мамин голос. Голос успокаивал, звучал слабо, устало. Папе выдали ночью порцию сна, может быть, потом удержат, но это уже не важно. Еще процедуры, они сами по себе мало дают, но все-таки... За желанием успокоить чувствовались серьезные проблемы, о которых у Инки не было сил задумываться.

Она положила трубку. В квартире опять стало тихо — соседка ушла. Как хорошо было бы лечь и забыть обо всем. Инка тупо рассматривала схему, которую подарил дворник, — оба конвертика она положила рядом на стол. У нее был день подарков. Правда, настоящую схему подарил только дворник, случайный незнакомец. Надо отвезти ее маме в больницу. Через весь город. Или нет, не надо, мама вряд ли сможет спать там. Она ведь, скорее всего, пойдет сегодня домой. А если ненадолго — вот и пригодится как раз Машкин подарок, спасибо ей. А о Павлике бабушка позаботится, не может быть иначе. И никому никогда не отдаст, и спать уложит.

При мысли, что не надо никуда ехать, Инка почувствовала облегчение. Спать больше не хотелось, только голова кружилась. Инка бездумно постояла в прихожей, прислушиваясь к сонной тишине квартиры, и надела отсыревшие изнутри сапоги.

С середины лестничного пролета вернулась — дверь чуть не забыла запереть.

Солнце прыгало по льдинкам, зажигало снежинки режущими глаза огоньками, лежало на досках скамейки большим пятном. В середине солнечного пятна сидел серый полосатый кот и вылизывал заднюю ногу. Кому-то нравилось держать дома котов, способных спать по восемнадцать часов в сутки. Кому-то нравилось смотреть, как они спят...

Инка всхлипнула.

Кот воровато оглянулся на нее и шмыгнул со скамейки, а Инка уселась на его место. Опять было холодно.

Инка еще раз всхлипнула, кутаясь в куртку. Сунула застывшую руку за пазуху. В кармашке школьного жилета лежало что-то маленькое и твердое. Инка посидела, чувствуя, как не то согревается рука, не то замерзает от ледяной руки живот, и вытащила случайный подарок. Стикера контроля вскрытия не было, Инка открыла конвертик — и на ладонь выпал пластиковый квадратик со знакомым рисунком переплетения серебряных волосков. Самопальная схема, способная разрешить человеку увидеть сны. С которой, может быть, не получится заснуть. А может быть, не получится проснуться.

Не проснуться — значит, спать, спать, спать...

Как хорошо было бы дремать и дремать, как тот кот.

ФАНТАСТИКА

А мы всю жизнь спим столько, сколько напечатано на кусочках бумаги. Я не хочу, решила Инка. Не хочу и не стану. Вот так.

Она успокоилась. Привычным движением прилепила схему на висок. Надвинула поглубже, шапку, спрятала в куртку подбородок, как черепаха прячет голову в панцирь. Жалко, если самодельная схема не сработает. И не будет снов.

Солнце все-таки пригревало. И снег скрипел уже не так холодно и противно.

Малышкой она спрашивала, проснувшись: «Мама, где я была?» И мамин голос отвечал: «Это сон». Неужели она помнит? Рука ласково ложилась на висок. Мамин голос говорил: «Спи, маленькая». И приходила блаженная темнота.

Темнота и мамин голос. Инка улыбнулась.

Усталый, родной голос в трубке. Голос, мягко поющий слова колыбельной. Павлику? Нет, ей, Инке.

Пусть будет ночь... пусть будет тишина...

Пусть пышный снег укутывает ели...

Немного сна, один глоточек сна...

Пускай мечта спускается к постели...

Пускай зима. Пусть звезды так ясны.

Пусть мир вокруг так призрачен и светел...

Ты видишь сны, свои цветные сны,

Сны самые желанные на свете...

— Эй, девочка!.. Она что, спит? Спит?! Здесь?

— Соображать пора, какой это сон. Схема какая, сам посмотри. Петренко, «скорую» быстро!

«Хорошая схема», — хотелось сказать Инке. Но не было своего голоса, только мамин.

Пускай вокруг звенит хрустально лед,

Пусть жизнь никак не удержать на месте.

Глоточек сна – и время подождет,

*И все вокруг заснет с тобою вместе...**

— Она не в розыске? Звони, пусть проверят по базе... Голоса переключались, как родители над детской кроваткой. Скрипел снег, славно, по-новогоднему, и пах морозом и арбузом.

Инка спала.

* Стихи Натальи Федоренко.

